

*О.Э. Терехов***Идейные и политические предпосылки
немецкой «консервативной революции»
в историографии ФРГ***O.E. Terekhov***Ideological and Political Prerequisites
for German «Conservative Revolution»
in the FRG Historiography**

Рассматривается проблема изучения предпосылок немецкой «консервативной революции» в западно-германской историографии. Цель исследования – используя проблемно-хронологический метод, показать эволюцию изучения этой проблематики в трудах историков, политологов, социологов и философов ФРГ. Автор уделяет особое внимание анализу основных западногерманских концепций и подходов в исследовании предпосылок «консервативной революции».

Ключевые слова: немецкий консерватизм, Веймарская республика, «консервативная революция», историография ФРГ.

Одной из ключевых проблем историографии «консервативной революции» является проблема рассмотрения ее предпосылок и в целом континуитета в истории немецкого консерватизма. Столь сложный интеллектуальный феномен, как «консервативная революция» имел довольно разветвленные мировоззренческие и политические корни в истории немецкой (и европейской) общественно-политической и гуманитарной мысли. В числе непосредственных предпосылок «революционного консерватизма» обычно называют следующие: общий моральный, религиозный и политический кризис западного общества рубежа XIX–XX вв., влияние культурпессимизма философии жизни и ее наиболее яркого представителя Ницше, кризис процесса модернизации в Германии конца XIX – начала XX в., традиции немецкого национализма, консерватизма, романтики и идеализма, духовную активизацию германской молодежи перед Первой мировой войной, «идеи 1914 г.». Учитывая многозначность трактовок генезиса «консервативной революции», мы на основе хронологического метода попытаемся проследить изучение этой проблематики с момента становления историографии «консервативной революции» до ее современного состояния.

Основоположник историографии «консервативной революции» Армин Молер понимал её как интеллектуальное движение, возникшее после Великой Французской буржуазной революции и направленное против ее идейных истоков и проявившее себя прежде

The article considers study of German «Conservative Revolution» prerequisites in the West-German historiography. The main objective of the research is to show the evolution of study of this problem in the works of historians, political scientists, sociologists and philosophers of the FRG in the light of problem-chronological method. The author pays much attention to basic West-German concepts and approaches to define German «Conservative Revolution» prerequisites.

Key words: German conservatism, the Weimar Republic, «Conservative Revolution», FRG historiography.

всего в сфере духа и идеологии. Поэтому ее следует изучать в контексте истории идей, так как в действительности она не получила реального политического воплощения [1, S. 11–12]. А. Молер тесно увязывал «консервативную революцию» с так называемым немецким движением, направлением в общественно-политической мысли Германии, которое возникло в XIX столетии как реакция на Великую Французскую буржуазную революцию и было интеллектуальной попыткой обосновать особый исторический путь Германии. По его мнению, «консервативная революция» являлась важнейшей частью «немецкого движения», хотя между ними существовали некоторые различия. В итоге Молер определил «немецкое движение» как проявление идеологии той части германского консерватизма, которая составляла «оппозицию справа» в кайзеровском рейхе [1, S. 37].

Согласно А. Молеру, Первая мировая война сыграла для становления «консервативной революции» важную роль в двух отношениях. Во-первых, в горниле войны родилось поколение «консервативных революционеров». Во-вторых, война разрушила вильгельмовскую эпоху и «старый» немецкий консерватизм, к которому «консервативные революционеры» не питали особых симпатий. Характерным примером различия между двумя типами немецкого консерватизма в Веймарской республике стало, по мнению Молера, отношение к проблеме поражения Германии в войне. «Старые» правые объясняли его через легенду «об

ударе кинжалом в спину», которую активно пропагандировали. «Консервативно-революционные» группы, по убеждению Молера, считали, что поражение Германии в Первой мировой войне было неизбежным. «Они желали разгадать смысл поражения», – писал А. Молер [1, S. 37].

Большое значение для формирования идеологии «консервативной революции» в Веймарской республике стало появление человека нового революционного типа, который не просто отвергал буржуазные ценности, но и хотел их уничтожить. Этот тип революционера можно было найти во всех идейно-политических течениях, боровшихся против республики [1, S. 42]. Новый революционный тип возник во время войны и после ее окончания его подпитывали военные и полувойенные образования различных политических группировок.

Несмотря на ряд общих мировоззренческих и политических черт «консервативной революции» ее, по мнению Молера, следует отделять как от «старо-консервативных» течений в Веймарской республике, так и от других право- и леворадикальных направлений противников республики [1, S. 44]. В идейной и политической чересполосице антиреспубликанского и антидемократического фронта в Веймарской республике «консервативная революция» имела свой собственный профиль.

Молер не анализирует социальные и политические предпосылки «консервативной революции», а сосредотачивает свое внимание на ее философских и мировоззренческих основах, ставя во главу угла влияние философии Ницше, которое он считал определяющим для формирования ее идеологии, особенно ницшеанского мифа о вечном возвращении. В этой связи уместно привести мнение современника «консервативной революции» Жана Нойрора, который считал Ницше «предшественником ренессанса немецкого духа» [2, S. 91].

Молер писал, что целью его исследования не является описание логически непротиворечивой системы и доказательство истинности идеологии «консервативной революции» [1, S. 110]. Он погружается в исследование мифологии «консервативной революции». Миф о вечном возвращении, героический реализм, нигилизм Молер считает ее ключевыми признаками. Возможно, такой подход к рассмотрению «консервативной революции» вытекал из убеждения Молера о том, что консерватизм – это в первую очередь мировоззренческая позиция человека, которая переходит на стадию теории в случае необходимости выработки более фундированной аргументации против конкурирующих теорий [1, S. 128].

Клеменс фон Клемперер связывал возникновение неоконсервативного движения с кризисом европейского и немецкого консерватизма. В середине XIX столетия в развитии консерватизма появились тенден-

ции, которые позднее привели к полному отрицанию консерваторами идей прогресса [3, S. 13]. Клемперер указывает на Я. Буркхарда и Ф. Ницше как на предшественников отказа XX столетия от так называемых буржуазных ценностей [3, S. 13]. Оба стали основоположниками антирационалистического движения, которое было особо сильно в Германии. Большое значение для трансформации консерватизма имели социальные изменения. Индустриализация, война и революция ударили по социальному положению среднего класса Германии. Это способствовало разрушению старых общественных связей и вызвало попытку возрождения традиции и авторитета. Это явление К. Клемперер и назвал «новым» консерватизмом, который был порождением массового общества [3, S. 14–15].

Согласно К. Клемпереру, истоки кризиса немецкого консерватизма, который в итоге привел его к духовной и политической капитуляции перед фашизмом, обнаружились еще в середине XIX столетия [3, S. 40]. Немецкий консерватизм в идейно-политическом и мировоззренческом отношении в большей степени был ориентирован на Восток, чем на Запад. Несмотря на большое влияние в XIX столетии Э. Берка на немецкий консерватизм, сами немецкие консерваторы никогда, по мнению К. Клемперера, не подымались до уровня интеллектуального наследия Берка. «Они были либо непоколебимыми идеалистами, как Адам Мюллер, который считался учеником Берка, либо очевидными реалистами, как Бисмарк» [3, S. 40–41]. По образному выражению К. Клемперера, Бисмарк натянул на консерватизм смиренную рубашку, утвердив его в статусе официальной идеологии [3, S. 42–43].

Анализирует Клемперер и проблему влияния Ницше на немецкий консерватизм. Ницше не причисляют к консерваторам, но он оказал сильное влияние на консерватизм XX столетия. Ницшеанская критика эпохи стала исходным пунктом для консерватизма [3, S. 44]. Критика Ницше основ западной цивилизации сделала его отцом современного иррационализма [3, S. 45]. Неприятие Ницше «массового человека», пророчества о будущем столетии как столетии демократии и социализма привели его к идее смерти цивилизации и «переоценке всех ценностей». В своем парадоксальном мировоззренческом и интеллектуальном положении между консерватизмом и нигилизмом, между сохранением и разрушением Ницше предопределил главную дилемму консерватизма в XX в. [3, S. 46].

Спецификой консерватизма в Германии было сильное влияние на него так называемого старого среднего класса. Политические и экономические лишения «старого среднего класса», которые он испытал в XX столетии, радикализировали его и в конечном итоге привели в лоно национал-социализма. По образному выражению К. Клемперера, «это был его прыжок в иррациональность» [3, S. 49].

Касаясь характеристики молодежного движения в предвоенной Германии, Клемперер писал: «Основным переживанием молодежного движения был конфликт между буржуазным миром и личной жизнью. Это был также конфликт между поколениями, в котором причудливым образом отцы являлись либералами, а сыновья – консерваторами» [3, S. 52]. В своем консерватизме молодежное движение опиралось на наследие Ницше и традиции иррационализма XIX столетия. «Бунт» молодежи распространился на все сферы жизни, в том числе и на политику. Незрелая политическая мысль немецкой молодежи приступила к попытке поиска идеального общества. Молодежное движение выступило против партий и позиционировало себя в качестве надпартийного и аполитичного феномена. В его оппозиции против капиталистического порядка чувствовалось влияние теоретиков мелкобуржуазного социализма [3, S. 54].

Раскрывая содержание «идей 1914 г.», Клемперер пишет, что они были идеологическим подобием гражданского мира, который кайзер объявил 1 августа 1914 г. [3, S. 57]. Сам термин «идей 1914 г.» принадлежит известному социологу неогегелянского направления Иоганну Пленге [3, S. 58]. «Идеи 1914 г.» изначально носили консервативный характер, так как обосновывали виталистский подход к действительности и Первой мировой войны как к борьбе духа и разума, культуры и цивилизации, единства народного сообщества и буржуазного индивидуализма. Они были направлены против идей 1789 года [3, S. 62]. Дух германского консерватизма образца 1914 г. был антилиберальным и антирациональным, ибо немецкая интеллектуальная установка в Первой мировой войне означала «войну против Запада» [3, S. 63]. Согласно К. Клемпереру немаловажное значение в «идеях 1914 г.» играли геополитические пристрастия немецких консерваторов, в частности, идея создания «серединой Европы» под руководством германского рейха [3, S. 64–65].

Важнейшей частью «идей 1914 г.» и аспектом военного переживания в годы Первой мировой войны стала популярность идеи социализма, который в Германии понимался в категориях «немецкого социализма», «национального социализма», «консервативного социализма» и имел мало общего с реальным содержанием самого понятия [3, S. 65]. Клемперер, ссылаясь на авторитет Карла Мангейма, который еще в первой половине XX в. отмечал идейные и духовные параллели между консерватизмом и социализмом, утверждает, что во время Первой мировой войны эти параллели стали очевидны. И социализм, и консерватизм выступили против отчуждения личности силами рационализма, либерализма и капитализма [3, S. 65–66].

К. Клемперер также отмечает невозможность модернизации и приспособления к общественно-политической ситуации Веймарской республики тра-

диционного немецкого консерватизма, прежде всего представителей Немецкой национальной народной партии. Клемперер разделяет консерваторов на две условные группы: «старые», к которой он относил М. Вебера, Ф. Мейнеке, Ф. Науманна, Э. Трельча, и неоконсерваторы – В. Рагенау, Т. Манн, А.М. ван ден Брук, О. Шпенглер, Э. Юнгер, братья Отто и Грегор Штрассеры, представители «Тат-крайз». Как консерваторы начала XIX столетия были детьми Французской революции, так и немецкие неоконсерваторы периода Веймарской республики были, по мнению Клемперера, детьми Ноябрьской революции [3, S. 84]. Основной идейный водораздел между «старым» и «новым» консерватизмом проходил в их отношении к революции, Веймарской республике, проблеме социализма. Говоря о положении «старых» консерваторов, Клемперер отмечает, что в Веймарской республике они считались консерваторами и никогда не были стопроцентными республиканцами, а стали таковыми в силу не внутренних убеждений, но понимания неизбежности краха монархии. «Это был консерватизм зрелых людей, плод их многолетних размышлений и наблюдений над законами развития общества. Это был почти научно выверенный консерватизм» [3, S. 103].

Фриц Штерн считает, что идейные и духовные корни «консервативной революции» находятся в эпохе Просвещения. В частности, Штерн полагает, что культурпессимизм как направление в европейской общественной и гуманитарной мысли ведет свое начало с Руссо и его взглядов на природу человека и разум, руссоистскую критику рационализма. В числе духовных предтеч «консервативной революции» Штерн называет Т. Карлейля, Я. Буркхардта, Ф. Ницше, Ф.М. Достоевского [4, S. 8]. Штерн отмечает особую роль Ницше и Достоевского для формирования идеологии «консервативной революции» [4, S. 9].

По мнению Ганса Иохима Швирскотта, для того чтобы дать общую оценку роли и места младоконсерватизма в истории немецкого консерватизма, необходимо выявить его связь с консерватизмом XIX столетия [5, S. 88]. В основе консервативной мысли лежал принцип легитимности, служащий для сохранения ее исторического континуитета и традиции. Швирскотт полагает, что А. Мёллер ван ден Брук попытался привести консервативную идеологию в соответствие с требованиями современности. Он понимал, что условия жизни в XX в. существенно отличаются от XIX в., а консерватизм в Германии застыл в своем самодовольстве [5, S. 92].

Курт Зонтхаймер разделил правые силы Веймарской республики на «старый» и «молодой» национализм. «Старый» национализм означал продолжение консервативно-националистических традиций в изменившихся условиях республики. «Молодой» национализм (или национализм нового стиля) по своей сути

был иным. Его направленность нельзя было просто свести к принципам парламентского участия. Он происходил из окопов Первой мировой войны и выступал как провозвестник новой эпохи [6, S. 26]. При этом «старый» национализм, по мнению Зонтхаймера, не имел большого духовного и политического значения, так как своими корнями уходил в вильгельмовскую эпоху [6, S. 27–28]. Динамика развития националистической мысли в Веймарской республике целиком базировалась на «новом» национализме, получившем «боевое крещение» в Первую мировую войну, который отрицал дух вильгельмизма. Исходя из идеи о невозможности восстановления образа прежней Германии национализм нового стиля положительно относился к гибели монархии [6, S. 29–30].

В числе причин возникновения идеологии национализма нового стиля К. Зонтхаймер называет стремление его представителей к возрождению немецкого народа и государства после военного разгрома, политические процессы, развивавшиеся в Германии в 1918–1919 гг. (борьба с угрозой большевизма, защита границ на Востоке). Ключевое значение для появления «нового» национализма имели Версальский мирный договор и Веймарская конституция, которые рассматривались как признаки поражения Германии, а Веймарская республика изначально воспринималась «новыми» националистами как эрзац-государство [6, S. 31–32].

Тем не менее Зонтхаймер считал, что между «старым» и «новым» национализмом в Веймарской республике имелось идейное сходство, и если бы не проявление идеалистического и романтического максимализма националистов нового стиля в отношении идейного наследия «старого» консерватизма, эти два направления могли бы сотрудничать [6, S. 36]. Главный аргумент критики «новыми» консерваторами Веймарской республики заключался в том, что они не считали ее принципиально другим государственным образованием в сравнении с кайзеровским рейхом. Из этой позиции вытекало принципиальное различие основных идеологических постулатов традиционного консерватизма и неоконсерваторов. Критика младоконсерваторами взглядов «старых» патриотов (как определяет их Зонтхаймер) в Веймарской республике была не менее жесткой, чем, например, либералов [6, S. 38]. Только на заключительной стадии существования Веймарской республики такое взаимодействие стало возможно, что проявилось в деятельности Гарцбургорского фронта, поддержки кабинета Папена, процессе национал-социалистического захвата власти [6, S. 40].

Зонтхаймер отмечает синтез в идеологии «консервативной революции» футуристических и реставрационных элементов [6, S. 42]. Мировоззренческие истоки антидемократической мысли Веймарской республики Зонтхаймер усматривал в иррационалистических

тенденций философии жизни и сходных с ней антиинтеллектуальных течений. «В антидемократической мысли иррационализм... получил свою политическую форму», – пишет он [6, S. 43]. Настойчивость, с какой представители иррационализма ставили на первое место духовную субстанцию жизни, не несла прямую опасность в научном и мировоззренческом отношении. Опасность возникла, по утверждению Зонтхаймера, только тогда, когда иррационалистическое восприятие действительности начало распространяться на понимание государства и общества [6, S. 44]. Таким образом, в «Антидемократической мысли в Веймарской Германии» Зонтхаймер обосновал свою известную концепцию политизации иррационализма как основы идеологии германского неоконсерватизма в Веймарской республике.

Другой важной предпосылкой «нового» национализма стал, по мнению Зонтхаймера, феномен так называемого переживания войны (Kriegserlebnis). Чувство переживания войны было для «новых» консерваторов исходной точкой развития революционной идейной и политической динамики младоконсерватизма [6, S. 93]. Героическая поэтизация войны и духа фронтового товарищества являлась характерной чертой радикального консерватизма в Веймарской Германии, в которой отдельное Я замещалось коллективным Мы. Однако более существенное влияние опыта Первой мировой войны на становление младоконсерватизма, чем просто героизация ее переживания, было осознание чувства народной общности, которое привело к новому пониманию нации и государства [6, S. 101]. «Не переживание войны было главным, а те политические цели, которые вытекали из него», – комментирует Зонтхаймер значение слова «Kriegserlebnis» [6, S. 109]. Отношение к Первой мировой войне превратилось в идеологии национализма нового стиля в функцию политики [6, S. 110].

Хайде Герстенбергер интерпретирует феномен «консервативной революции» с социал-реформистских позиций. «Мы исходим из гипотезы, что революционно-консервативную идеологию, несмотря на ее увязку с политическими и социально-экономическими условиями Веймарской республики, следует рассматривать в контексте общей проблематики консервативно-реставрационного движения в демократических высокоиндустриальных странах» [7, S. 10]. Герстенбергер соглашается с мыслью Мартина Брошата о том, что элементы фёлькишеской идеологии были представлены во всех праворадикальных, националистических, антидемократических группах Веймарской республики, однако с той оговоркой, что идеология революционного консерватизма была шире идеологических рамок фёлькише [7, S. 13]. Герстенбергер выделяет три идейно-теоретических комплекса, оказавших, по ее мнению, влияние на становление идеологии революционного консерватиз-

ма: «идеи 1914 г.», социал-дарвинизм и геополитика [7, S. 16].

«Идеи 1914 г.» переживались немецкими интеллектуалами как возможность духовного и политического очищения от влияния западной цивилизации. Другим проявлением «идей 1914 г.» стало формирование органического понимания функционирования государства и общества, а также становление знаменитой концепции «народного сообщества» (Volksgemeinschaft). В последствии революционные консерваторы оценивали духовную атмосферу 1914 г. в Германии как точку отчета для формирования «консервативной революции» [7, S. 17–18]. Первая мировая война с ее массовостью, техническими возможностями, плановой экономикой изменила национальное сознание немцев и привела, по мнению Герстенбергер, к запоздалому образованию нации в Германии. Интеграция рабочего класса в нацию в годы войны способствовала синтезу национализма и социализма, который уже в период Веймарской республики создал гремучую идеологическую смесь в форме концепции «немецкого социализма», истоки которой Герстенбергер усматривала в традициях немецкого государственного социализма, катедерсоциализме, идеях Ф. Науманна и М. Вебера [7, S. 18–19].

Влияние социал-дарвинизма на идеологию «консервативной революции» Герстенбергер рассматривает с точки зрения расовых идей фёлькише. Говоря о роли геополитики в идеологии революционного консерватизма, Герстенбергер утверждает, что геополитика была для него основой для постулирования принципа борьбы за существования между государствами [7, S. 28].

Герстенбергер говорит о трех возможных изначальных путях развития консерватизма в Веймарской республике, во-первых, реакционном, способствующем возрождению монархии, во-вторых, консерватизм имел возможность легитимизироваться на основе Веймарской конституции и попытаться ее изменить в соответствующем ему духе, наконец, в-третьих, консерваторы могли создать внепарламентскую оппозицию, которая подготовила бы новую политическую основу для свержения существующей конституции. Консервативные революционеры избрали третью возможность реализации консервативной идеи, что, в свою очередь, сделало монархический и легитимистский консерватизм политическим анахронизмом [7, S. 31].

Герстенбергер отмечает также и то, что предпосылки мировоззренческого и идейно-политического расхождения между революционными консерваторами и традиционным вильгельмовским консерватизмом обнаружались еще до Первой мировой войны и были связаны с переживанием нового поколения германских консерваторов проблематики всеохватывающего кризиса политической, религиозной и культурной жизни

на рубеже веков. Именно на почве этого кризиса на основе традиций немецкой романтики и возник «новый» консерватизм. Революционные консерваторы, отвергнув идейное наследие вильгельмовской империи, приступили к кардинальному обновлению немецкого консерватизма [7, S. 32].

Важной особенностью труда Х. Герстенбергер является попытка автора рассмотреть социально-психологические предпосылки «революционного консерватизма». Она обращает внимание на ухудшение социально-экономического положения «образованной буржуазии». В условиях ухудшения социально-экономического и психологического положения интеллектуальных слоев немецкого общества в Веймарской республике, «революционный консерватизм» предлагал идеологические средства для его преодоления. Одной из главных социально-психологических функций «революционного консерватизма» стало теоретическое обоснование ценностей среднего класса [7, S. 140].

В отличие от Герстенбергер, Фритц Рингер в своем фундаментальном труде о «немецких мандаринах» не уделяет внимания предпосылкам «консервативной революции», но он дает блестящий анализ главных черт немецкой общественно-политической и гуманитарной мысли, которые, несомненно, оказали влияние на революционный консерватизм. Рингер прямо указывает на то, что в сравнении с английской и французской политической мыслью «в Германии же политическая мысль приобрела преимущественно иное направление» [8, с. 141]. Усилиями немецких обществоведов в духе идеалистической традиции были переработаны концепции естественного права и общественного договора в концепции правового государства (Rechtsstaat) и культурного государства (Kulturstaat). Обе концепции были направлены на идеализацию функций государства, в результате чего «идеализированное государство становилось носителем нравственности, институтом образования, а свобода от внешних ограничений превращалась во “внутреннюю свободу” этически самостоятельной личности» [8, с. 142].

Мариэта Хитала, характеризуя содержание «нового» национализма в Веймарской республике, отмечает, что его корни следует искать в Первой мировой войне. «Новый» национализм только отчасти продолжил традиции немецкого пангерманизма. Ему не было свойственно чувство патриотизма. Цель «нового» национализма заключалась в идее возрождения немецкого государства, в котором фронтовики должны были занять господствующее положение. Помимо влияния Первой мировой войны предпосылки возникновения неонационалистического поколения германских фронтовиков необходимо искать в Версальском мирном договоре и, как следствие этого, в его отношении к Веймарской республике [9, S. 46]. Генезис «нового»

национализма также связан с общими традициями немецкого национализма и современными ему научными и политическими теориями: философией жизни, иррационализма, традициями немецкого романтизма и классического идеализма, теориями Шпенглера и Сореля, традициями немецкого антилиберализма и антикапитализма, марксизма, итальянского фашизма, теорией элит [9, S. 68].

Зиновий Класон выдвигает довольно оригинальный тезис о том, что в центре формирования и генезиса идеологии «консервативной революции» находится идейная борьба между двумя ее основными течениями младоконсерваторами и национал-революционерами [10, S. 22]. Хотя в целом З. Класон не отходит от классической схемы предпосылок «консервативной революции», усматривая ее идейные корни в иррационализме, философии жизни, культурпессимизме и предвоенном молодежном движении в Германии, которое, несмотря на свою антибуржуазность, по существу оставалось проникнутым буржуазным духом из-за тесной классовой связи со средним классом и романтическими представлениями о народе [10, S. 30].

Согласно Юи Ишиде, младоконсерваторы внесли значительный идейный вклад в разрушение Веймарской республики [11, S. 261]. Но рассматривать их как предшественников национал-социализма не следует, несмотря на то, что «Der Ring-Kreis» сформировал существенные элементы консервативно-авторитарной политической культуры и политики накануне Третьего рейха [11, S. 262]. Напротив, как полагает Ишида, младоконсерваторы в конце Веймарской республики выступили главными идейными конкурентами национал-социалистического движения. Идейная борьба между ними была борьбой внутри правого лагеря: антиреспубликански ориентированной консервативной элитой и массовым движением против Веймарской республики. Младоконсерваторы выступали как альтернатива Немецкой народной национальной партии, так и национал-социализму [11, S. 263].

Курт Ленк полагает, что возникновение настроений, способствовавших формированию мировоззрения консервативной революции, следует искать в кризисе рационализма и позитивизма после Первой мировой войны и отказа от протестантской этики. Эти причины привели к расцвету биологически окрашенных взглядов на бытие в духе философии жизни. Другой стороной этого процесса стала критика либерализма как политической теории и практики. «Молодые» немецкие консерваторы считали, что возрождение германского рейха возможно только на пути мобилизации жизненного инстинкта и воли к власти немецкого народа. Однако, с точки зрения К. Ленка, содержание и цели подобной грандиозной задачи оставались неопределенными, а новые мифы о

Третьем рейхе, «немецком социализме» расплывались в тумане неопределенности [12, S. 115].

Несмотря на идейные различия между классическим немецким консерватизмом и консервативной революцией К. Ленк выделяет ряд основополагающих моментов, объединяющих их: во-первых, дискриминация плюралистических социальных интересов (партий, союзов и т.д.) как враждебных государству (консервативный антиплюрализм); во-вторых, противопоставление принципа порядка принципу анархии; в-третьих, абсолютизация государства в духе наследия правого гегелянства [12, S. 112].

Бройер подчеркивает влияние на формирование идеологии консервативной революции различных факторов, связанных с происхождением ее представителей: ментальные, социальные, религиозные, образовательные, семейные. В этой связи он выделяет примерно три поколения консервативных революционеров: поколение, родившееся в эпоху грюндерства (Шпенглер, Мёллер ван ден Брук); фронтовое поколение, родившееся в 80–90-е г. XIX столетия, а также поколение, родившееся на рубеже веков, которое не нашло себе места в Веймарской республике [13, S. 30–31].

По мнению Бройера, поколение конца XIX столетия, с одной стороны, сполна испытало специфику классического немецкого гуманитарного образования, с другой – было первым поколением, которое осознало ограниченность такого типа образования в технический век. Отсюда вытекает желание этого поколения выйти за рамки того образа жизни, в котором оно формировалось, а именно: отвержение классических норм поведения, жажда необычного, стремление разрушить границы повседневного существования [13, S. 34–35]. От себя добавим, внешний фон способствовал формированию подобного образа жизни и стиля поведения. Высокий модерн рубежа веков вызвал сильнейшее напряжение в обществе. Используя терминологию Шпенглера, осуществлялся процесс перехода культуры в цивилизацию. Происходила трансформация культуры, ее перетекание от более высоких к упрощенным формам («массовая культура»).

Первая мировая подстегнула процесс краха старого мира. Поколение будущих «консервативных революционеров» интуитивно почувствовало наступление его времени. Позднее они в один голос провозглашали очистительный характер войны, которая уничтожила «старое» поколение и его мир, а на их развалинах должны возникнуть новый порядок и общество. Бройер усматривал в таком идеологическом активизме «консервативных революционеров» политизацию учения Ницше о вечном возвращении [13, S. 37]. Но в то же время за принятием «нового» мира цивилизации скрывалось недоверие к ней. Бройер отмечает, что во многих сочинениях «консервативных революционеров» прослеживается страх, в хайдеггеровском

смысле этого слова, перед современным миром и атрибутами цивилизации [13, S. 44–45].

Бройер соглашается с мыслью Молера о том, что основополагающие мотивы «консервативной революции» лежат глубже ее политического дискурса и политических программ. Но он, в отличие от Молера, который выводил эти мотивы из мифа о вечном возвращении, связывает их с проблемами ментальности, что, по его мнению, гораздо результативнее для понимания и изучения «консервативной революции». Бройер называет следующие общементальные установки «консервативной революции»: апокалипсическое сознание, идеология «мужских» союзов, стремление к власти [13, S. 47]. Эти черты, на его взгляд, были характерны для всего праворадикального движения в Веймарской Германии.

Ральф Питер Зиферле, касаясь воздействия «массового» общества на социальную психологию, пишет о том, что оно разрушило привычные рациональные представления о социальной действительности и показало, что социальное действие может исходить не только от индивидуума. Социальные процессы в «массовом» обществе приобретают собственную логику развития. Категории «народ», «класс», «нация», «раса» заменяют целерационального индивидуума. Начинается кризис рационализма, и на первый план выступают иррациональные мотивы. Действительность измеряется такими понятиями, как «жизнь», «переживание», «чувство», а порождение капитализма – либеральный индивидуализм – должен быть преодолен надындивидуальным коллективным субъектом в форме класса либо нации [14, S. 12–13]. Все эти особенности оказали решающее воздействие на становление идеологии «консервативной революции».

Анализируя различия между «консервативной революцией» и традиционным консерватизмом, Армин Пфал-Траугбер отмечает, что главное отличие между ними состояло в подходе и решении проблемы организации власти. Традиционные консерваторы выступали за установление диктатуры узкой группы лиц, «консервативные революционеры» ратовали за установление диктатуры цезаристского типа. Опираясь на работы Зиферле, Пфал-Траугбер также указывает на различное отношение «консервативных революционеров» и традиционных консерваторов к проблеме индустриального общества и технического прогресса [15, S. 49].

Согласно Раймонду фон Бусше, основу мировоззренческой и идеологической позиции германских консерваторов составляла их вера в возможность существования аполитичного общественного порядка, в котором политика была бы изгнана из бытия или, по крайней мере, отдана в руки государства и его руководящей элиты [16, S. 18]. Такой подход германских консерваторов к пониманию политического свиде-

тельствует, по утверждению автора, об изначальной иррациональности их мировоззренческих, идеологических и политических взглядов. В этом моменте своих рассуждений Бусше придерживается концепции Зонтхаймера о политизации иррационализма [16, S. 21]. Таким образом, в германском консерватизме после 1918 г. происходит процесс политизации иррациональности, которая была вызвана объективными условиями исторического развития Германии.

Р. Бусше, следуя своей концепции немецкого консерватизма в Веймарской республике, сводит предпосылки «консервативной революции» к поиску в истории подтверждения аполитичности немецкого консерватизма. По его мнению, в наиболее развернутом виде позиция аполитичности немецких консерваторов представлена у Т. Манна в «Размышлениях аполитичного». Отношение Манна к политике можно рассматривать как образец для всей элиты кайзеровского рейха [16, S. 24]. Основная мысль Манна, в трактовке Бусше, заключалась в идее о том, что политика в западном ее понимании чужда немецкому народу и немецкой культуре. Поэтому любая демократия в Германии бессмысленна, так как она не принесет желаемых результатов, а немецкая аполитичная культура должна противостоять западной цивилизации. В этом Манн видел смысл войны [16, S. 27].

Однако, как справедливо замечает Р. Бусше, и в этом с ним нельзя не согласиться, такая декларативная аполитичность сама по себе является выражением некоей политической позиции, ибо ищет свои изначальные основания в общественном устройстве [16, S. 28]. И если в аполитичной позиции хотя бы в латентной форме содержатся зачатки политического сознания, то, по мысли Бусше, логично предположить, что существует политическое направление, которое должно отражать это сознание. В исторических и политических условиях Германии поиск такого направления прост и очевиден – это консерватизм. Бусше характеризует идейную и политическую сущность немецкого консерватизма как политическую защиту аполитичного общественного бытия [16, S. 29]. Консерватизм выступает как главная политическая сила, призванная спасти аполитичную немецкую культуру от разлагающего влияния западной цивилизации, потому что в противоположность идеологии прогресса консерватизм верит не в разум, а в традиции народного духа [16, S. 29–30].

Важной составляющей аполитичной позиции выступала идея о государстве как гаранте предполитической общественной гармонии. Согласно Бусше, в идеологии немецкого консерватизма государству отводилась роль защитника естественного порядка вещей, данного богом и историей. С точки зрения приверженцев аполитичного сознания, высшей смысл государственного управления заключается в техническом и профессиональном исполнении властных

полномочий, службе государственному долгу и выполнению своих обязанностей. Воплощением такого подхода к государственной службе в немецкой политической традиции являлся чиновник [16, S. 33]. В оценке роли государства в немецкой истории и его главного репрезентанта чиновника Бусше недалек от истины, тем более, что государство, созданное Бисмарком, авторитарное и патерналистское одновременно, немало способствовало распространению веры в собственную непогрешимость.

Аскен Госслер, рассматривая генезис идеологии «консервативной революции», связывает ее с общим контекстом развития консерватизма в XIX столетии. По мере развития либерализма и массового индустриального общества консерватизм как идеология и политическая практика переходит на оборонительные позиции. Разрыв исторического континуитета, потеря веры и трансформация традиционных институтов власти должны, с точки зрения консерваторов, привести к разрушению культурной идентичности народа и превратить его в атомизированное население. В создавшихся общественно-политических и социально-экономических условиях консерватизм был вынужден искать способ сохранения собственных ценностей. Перед консерваторами встал основной вопрос: следует ли им принципиально отвергнуть универсализм, либерализм и индивидуализм и занять антимодернистские, антикапиталистические позиции. В этом, по мнению Госслера, и заключалась главная дилемма консерватизма, преодоление которой стало возможно на пути одновременной революционизацией консерватизма и ослаблением влияния либерализма [17, S. 23–24].

Госслер указывает на многофакторную идейную и политическую основу идеологии «консервативной революции», к предпосылкам которой он относит: культурпессимизм, распространение политического иррационализма, «идеи 1914 г.», бунт молодого поколения против буржуазных ценностей. Госслер также связывает эти предпосылки с социальным положением гуманитарной интеллигенции в Германии конца XIX – начала XX в. В этой связи он творчески перерабатывает концепцию Фрица Рингера о закате «немецких мандаринов».

В частности, рассматривая генезис культурпессимизма, Госслер констатирует, что кризис социального статуса образованного среднего класса нашел свое выражение в создании союзов и объединений, в недрах которых велась работа по формированию новых культурных идеалов, пропагандирующих национальные традиции. Именно подобные объединения стали центрами развития культурпессимизма на рубеже XIX–XX вв. [17, S. 44]. Новый подход к жизни и действительности предполагал отказ от традици-

онной картины мира, базировавшейся на технико-механистической вере в прогресс, лежавшей в основе «старого» либерального мира. Цель нового мироощущения заключалась в замене разума инстинктом, расчета порывом, рационализма непосредственностью [17, S. 48]. Деятельность все возможных оккультных, антропософских, парапсихологических обществ способствовала возрождению романтического образа Германии и поискам истинного германского духа [17, S. 48–49]. Идеологи культурпессимизма внедряли в общественное сознание мысль о том, что в культурном и социальном смысле вильгельмовское государство тяжело больно, а для его исцеления необходим национальный катарсис [17, S. 50].

Как полагает Госслер, содержание «идей 1914 г.» представляет кульминационную точку в развитии культуркритических направлений кайзеровского рейха, оно радикализировалось в ходе Первой мировой войны и послужило в годы Веймарской республики идейным источником для «консервативной революции» [17, S. 55]. «Идеи 1914 г.» воспринимались как выход из кажущегося почти безальтернативным процесса отчуждения, рационализации и атомизации общества. Мировая война интерпретировалась как революционный и апокалиптический переход к постматериальному миру, который должен вернуть жизни ее вечные ценности [17, S. 55–56].

Госслер выделяет три источника происхождения «идей 1914 г.». Во-первых, это культуркритическая и культурпессимистическая мысль предвоенного периода. Во-вторых, это самосознание образованного среднего класса, считавшего себя хранителем духовных ценностей и рассматривающего будущую войну прежде всего как войну культур, в которой немецкая культура будет противостоять западной цивилизации [17, S. 56]. Третьей составной частью «идей 1914 г.» Госслер называет представление о Германии как некоей срединной стране между Востоком и Западом. Это особое положение Германии в полной мере воплотила в себе европейски универсальная немецкая культура [17, S. 58].

Таким образом, проблема освещения идейных и политических предпосылок немецкой «консервативной революции» в историографии ФРГ во многом повторяет многообразный объект своего исследования. Западногерманские историки, политологи, социологи, философы, рассматривая генезис идеологии «консервативной революции», отмечали ее многофакторный характер. Но при этом каждый исследователь фокусировал свое внимание на одном либо на нескольких знаковых, с его точки зрения, факторах, сыгравших свою роль в возникновении идеологии «консервативной революции». Это зависело от тех задач, которые авторы ставили перед собой.

Библиографический список

1. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932; ein Handbuch. 4. Aufl. – Darmstadt, 1994.
2. Neurohr J. Der Mythos vom Dritten Reich. Zur Geistesgeschichte des Nationalsozialismus. – Stuttgart, 1957.
3. Klemperer K. von. Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. – München, 1962.
4. Stern F. Kulturpessimismus als politische Gefahr. Eine Analyse nationaler Ideologie in Deutschland. – Bern ; Stuttgart ; Wien, 1963.
5. Schwiarskott H.-J. Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. – Göttingen, 1962.
6. Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politischen Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918–1933. 3. Aufl. – München, 1992.
7. Gerstenberger H. Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. – Berlin, 1969.
8. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 / пер. с англ. – М., 2008.
9. Hietala M. Der neue Nationalismus in der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn 1920–1933.– Helsinki, 1975.
10. Clason S. Schlagworte der «konservativen Revolution»: Studien zur polemischen Wortgebrauch der radikalen Konservatismus in Deutschland zwischen 1871 und 1933. – Stockholm, 1981.
11. Ischida Y. Jungkonservative in der Weimarer Republik. Der Ring-Kreis 1928–1933. – Bern, 1988.
12. Lenk K. Deutscher Konservatismus. – Frankfurt am Main, 1989.
13. Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. – Darmstadt, 1993.
14. Sieferle R.P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer. – Frankfurt am Main, 1995.
15. Pfahl-Traughber A. Konservative Revolution und Neue Rechte: rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat. – Opladen, 1998.
16. Bussche R. von dem. Konservatismus in der Weimarer Republik: die Politisierung des Unpolitischen. – Heidelberg, 1998.
17. Gossler A. Publizistik und konservative Revolution: das «Deutsche Volkstum» als Organ des Rechtsintellektualismus 1918 – 1933. – Münster ; Hamburg ; London, 2001.